

**ДИКТАТОР,
КОТОРЫЙ
УМЕР
ДВАЖДЫ**

**НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ
АНТОНИУ САЛАЗАРА**

МАРКО ФЕРРАРИ

Марко Феррари Диктатор, который умер дважды: Невероятная история Антониу Салазара

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70290901

*Диктатор, который умер дважды: Невероятная история Антониу
Салазара: Альпина Паблишер; Москва; 2024
ISBN 9785961495300*

Аннотация

Он знал о Франции все, а о Португалии ничего; он понимал, что происходит в далекой Москве, но не в родном Лиссабоне. Он не осознавал, что сам уже не управляет собственной страной, – его сместили почти два года назад, но он этого так и не понял. Антониу Салазар более 40 лет управлял огромной колониальной империей, но пал жертвой своего же любимого детища – цензуры.

Итальянский журналист Марко Феррари разбирается в истории самой длительной диктатуры Европы – с ее зарождения в 1930-х, во времена Гитлера, Франко и Муссолини, и до упадка в 1970-х, эпоху «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Он рассказывает о противоречивой фигуре Антониу Салазара, бывшего семинариста и провинциального учителя, который сумел удержать Португалию в стороне от мировой войны, но в то же

время создал изощренную репрессивную машину и кровью пытался сохранить империю от распада.

Он был тишиной, тайной, невидимкой, он был подобен Богу и стоял лишь на одну ступень ниже верховного небесного владыки. Ему нельзя было себя показывать. У него не было ни возраста, ни тела, ни чувств. Он не говорил прямо, а вещал как оракул, иносказаниями и символами, и то, что он говорил, нужно было истолковывать и переводить на язык простых смертных. Как и Бог, он каждому назначал его судьбу: богатые должны были оставаться богатыми, бедные – мириться со своей долей, оппозиционеры – подвергаться репрессиям.

Итальянский журналист Марко Феррари разбирается в истории самой длительной диктатуры Европы – с ее зарождения в 1930-х, во времена Гитлера, Франко и Муссолини, и до упадка в 1970-х, эпоху «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Он рассказывает о противоречивой фигуре Антониу Салазара, бывшего семинариста и провинциального учителя, который сумел удержать Португалию в стороне от мировой войны, но в то же время создал изощренную репрессивную машину и кровью пытался сохранить империю от распада.

С тех пор Салазар ежедневно принимал двух-трех визитеров – как правило, под конец дня. Это были министры, губернаторы, друзья, доверенные лица, руководители ПИДЕ и корпораций. На всех этих людей распространялся приказ нового председателя Совета министров: притворяться, что Салазар все еще руководит Португалией и колониями.

Для кого

Для самой широкой аудитории – и для любителей истории, и для интересующихся механизмами власти, и для тех, кому любопытно, как рождаются и как умирают диктатуры и диктаторы.

В палате 68 больницы Красного Креста заканчивалась агония диктатуры, длившейся с начала XX века.

Содержание

1	10
Взгляд на море	27
Самая длинная ночь режима	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марко Феррари

Диктатор, который умер дважды: Невероятная история Антониу Салазара

Переводчик: *Анатолий Канев*

Редактор: *Любовь Макарина*

Главный редактор: *Сергей Турко*

Руководитель проекта: *Анна Василенко*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Татьяна Редькина, Мария Стимбирис*

Верстка: *Александр Абрамов*

Дизайн обложки: *Денис Изотов*

Иллюстрации на обложке: *Getty Images, Shutterstock*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут

доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2020, Gius. Laterza & Figli

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина Пабlishер», 2024

* * *

МАРКО ФЕРРАРИ

ДИКТАТОР,
КОТОРЫЙ
УМЕР
ДВАЖДЫ
НЕВЕРОЯТНАЯ
ИСТОРИЯ
АНТОНИУ
САЛАЗАРА

Перевод с итальянского

*Памяти Мануэла Карвалейру
и Жозе Фонсека-и-Кошты*

Подолог, обрушивший империю

Португальская империя пала из-за человека по имени Аугушту Илариу¹, простого и скромного подолога. Он жил, ни на шаг не отступая от своего привычного распорядка, до утра 3 августа 1968 года – года, полного событий, ничуть не взволновавших дремлющую Португалию.

Суббота, 3 августа, казалась обычным днем: солнце взошло в пять утра, в газетах писали о Пражской весне, Том Джонс объявил о концерте в Лиссабоне, заработала автоматическая телефонная линия между столицей и Фару, самый пожилой португальский эмигрант приехал из Бразилии, чтобы погостить на родине, в Понта-Делгада состоялись похороны доктора Франсишку Луиша Тавареша, одного из основателей Республики. Командование вооруженных сил в Португальской Гвинее объявило об ожесточенных столкновениях: погибло 18 повстанцев и 5 солдат португальской армии. В газетах появились сообщения и о других павших военных: это были фурьер Антониу ду Нашименту Пиреш Кинташ из Брагансы и солдат Алвару Альберту Консейсан Тейшейра

¹ В данном издании мы старались следовать современным рекомендациям для воспроизведения португальской фонетики в русском языке, за исключением устоявшихся имен и названий. – *Прим. ред.*

из Лиссабона, погибшие в Мозамбике, Эрнесту Жезуш Дурте из Вила-ду-Конди и Раул Жоаким Кошта из Лиссабона, нашедшие свою гибель в Анголе, и командир Андре Родригеш Пинту из Резенди, убитый в Гвинее.

В тот день примерно в восемь часов утра на Руа-ду-Карму в Лиссабоне остановился служебный автомобиль, чтобы забрать «элегантного, высокого и худого» мужчину. Этим человеком был Аугушту Илариу, личный подолог председателя Совета министров, унаследовавший эту должность от отца. Его отец был родом из Визеу и учился в той же школе, что и Салазар. Он оставил сыну в наследство врачебную практику и ценного клиента. С Аугушту у Салазара установились такие же близкие отношения: подолог стал для него человеком, с которым можно было и поболтать, и помолчать. Молчать приходилось затаив дыхание – в те моменты, когда Аугушту обрабатывал его пальцы ножницами.

Подолог и диктатор – это были непростые отношения. Пока Аугушту вычищал грязь из-под ногтя его большого пальца, Салазар то предавался воспоминаниям молодости, то задумывался об их тайной круговой поруке. Отношения старого диктатора со своим доктором можно было назвать постоянными – они виделись каждые три недели. Регулярность этих встреч объяснялась не прихотью Салазара, а его физической потребностью. Салазар сломал правую ногу еще в молодости, но так и не восстановился. Его кости стали хрупкими, а на ступнях образовывались мозоли, причиняя боль.

По этой причине он носил очень мягкие и тонкие, можно сказать, детские ботинки, а противники режима с некоторым презрением называли его Botas².

Автомобиль сорвался с места, но вскоре застрял в пробке – люди ехали к морю, на пляжи Оэйраша, Эштори-ла и Кашкайша. Прибыв в форт Санту-Антониу-да-Барра в Эшториле, Аугушту Илариу поприветствовал охранников, затем толкнул окованную железом деревянную дверь и на мгновение задержался в холле, чтобы рассмотреть азулежу³ на стенах с иллюстрациями к поэме «Лузиады» великого Луиша де Камозэнса. Он поднялся по лестнице на первый этаж, затем на второй, там повернул направо и пересек длинный коридор со сводчатым потолком, объединявший два крыла форта. В помещении, известном как Ноев ковчег, Салазар обычно читал книги и газеты, обедал и принимал посетителей. Аугушту открыл четвертую дверь слева и вошел в разделенную аркой большую комнату с выкрашенными белой краской шкафами у каждой стены: эта комната называлась гардеробной. Справа был угол, где донна Мария де Жезуш Каэтану Фрейре, экономка Салазара, вошедшая в историю, готовила еду для премьер-министра. Аугушту положил свой чемоданчик и начал готовить инструменты для лечебного педикюра.

² Ботинки (*порт.*)

³ Азулежу (*порт.* azulejo) – традиционные португальские изразцы для украшения наружных и внутренних стен.

В этот момент на третьем этаже Салазар надевал свой белый льняной костюм. Выйдя из комнаты, он проследовал по короткому коридору, спустился на два лестничных пролета, пересек «Ноев ковчег», вошел в комнату, где ждал Аугушту, поприветствовал его и попросил передать ему газеты, присланные из председательского дворца. Среди газет были *The Daily News* и *The Ball State Daily*, хотя его излюбленным чтением на протяжении десятилетий оставалось национальное издание *Diário de Notícias* – именно ему он некогда дал свое первое интервью в жизни. Из-за бюрократических проволочек документы председателя Совета министров не были готовы ко времени выезда машины из столицы, так что в форт они прибыли только поздним утром. В любом случае, было некогда говорить о музыке, театре или представлениях в Сан-Карлуш⁴, как это происходило обычно.

Аугушту Илариу повернулся и принялся споласкивать руки в настенной раковине, думая о том, как вылечить искривление большого пальца, натоптыши, мозоли, грибок, бородавки и вросшие ногти председателя, как массировать его больную стопу – изъязн, о котором знала только его семья и который держали в строгом секрете. Вдруг Аугушту услышал грохот и тотчас же оглянулся. Салазар, имевший обычное, садясь, плюхаться с размаху, недооценил расстояние до деревянного шезлонга с полотняной спинкой. Под его

⁴ Национальный театр Сан-Карлуш – оперный театр в Лиссабоне, основанный в 1793 году.

тяжестью плотно подалось, и Салазар ударился головой об пол. На глазах у Аугушту он на полу корчился от боли.

Подолог сильно встревожился из-за случившегося, а диктатор, напротив, казался спокойным. Аугушту в панике помог пострадавшему подняться и осторожно усадил его на стул. Отметив, какое у председателя бледное лицо, он предложил позвать на помощь, но Салазар отрицательно покачал головой.

Через несколько минут диктатор решил, что будет лучше держать произошедшее в тайне. Он потребовал, чтобы подолог никому не рассказывал об этом. Поколебавшись, Аугушту согласился и протянул Салазару стакан подслащенной воды, но тот снова жестом отказался. Оставив газеты на полу, Салазар молча ждал, пока Аугушту закончит свою работу.

Только один человек заметил, что произошло нечто странное, — экономка дона Мария. Но она подумала, что в доме просто хлопнула дверь. На всякий случай она все же спустилась вниз и сразу поняла, что председатель сильно ударился головой. В ужасе она попыталась убедить его немедленно вызвать врача, но Салазар снова отказался. Через пять дней предстоял плановый визит доктора Эдуарду Коэлью, приходившего раз в две недели, и премьер-министр не видел никаких причин торопить врача.

Холодок ужаса пробежал по всему его телу. Он почувствовал, что внезапно постарел. Он привык тщательно себя контролировать, однако на этот раз, похоже, телесная немощ могла взять верх над силой духа. Ему было 79 лет, но, помимо возраста, на него давило и другое тяжкое бремя, которое он нес с 1932 года, – власть. Его тайной силой была невидимость. Его здоровье не привлекало внимание до того самого проклятого августа 1968 года. Салазар управлял империей из чего-то вроде одиночной кельи в Сан-Бенту⁵, которую он почти никогда не покидал. «Для меня политика – это работа», – говорил Салазар, когда его приглашали посетить подвластные ему обширные территории по всему миру. Даже Лиссабон казался необъятным Салазару, любившему фамильный дом в селении Вимиейру, огород, виноградник, прогулки, праздник Вознесения, который он никогда не пропускал. Но если что и казалось ему совершенно непозволительным, так это то, что дом, стены и поля Вимиейру, расположенного в муниципалитете Санта-Комба-Дан округа Визеу, приходили в запустение так же, как и

⁵ Дворец Национального собрания Сан-Бенту – резиденция португальского парламента в Лиссабоне. Построен в XVII в. Позади здания расположен особняк, который с 1938 г., когда в него въехал Салазар, стал резиденцией премьер-министра.

его империя. С прохудившейся крыши белого здания осыпалась черепица, сад за домом дичал и зарастал бурьяном, а у него не было времени заняться родовым гнездом, потому что приходилось думать о том, как отразить нападения в Анголе, защитить мирных жителей в Мозамбике, изловить партизан в Португальской Гвинее, остановить студенческие акции протеста. Не говоря уже о непримиримых внутренних противниках и эмигрантах, которые разоблачали его во всех уголках Европы, не понимая миссии, возложенной на него судьбой. Миссии спасти бывшую Португальскую империю от распада: «Одна родина, единая и неделимая», как любил он повторять в своих выступлениях по радио.

Объектом поклонения стал не его образ, а его имя. Он был тишиной, тайной, невидимкой, он был подобен Богу и стоял лишь на одну ступень ниже верховного небесного владыки. Ему нельзя было себя показывать. У него не было ни возраста, ни тела, ни чувств. Он не говорил прямо, а вещал как оракул, иносказаниями и символами, и то, что он говорил, нужно было истолковывать и переводить на язык простых смертных. Как и Бог, он каждому назначал его судьбу: богатые должны были оставаться богатыми, бедные – мириться со своей долей, оппозиционеры – подвергаться репрессиям, которые он называл «своевременной встряской» и «предостережением, призывом не идти дальше по неверному пути». Конечно, он допускал возможность прощения, но лишь на словах, а не на деле, дабы не разорвать пау-

тину непреложных принципов Нового государства – своего политического и организационного детища, основанного на двух незыблемых понятиях: корпоративизме и колониализме. Этой паутиной была система строгая и сдержанная, незаметная и непроницаемая, несокрушимая и непреклонная; система, возвышающая роль государства, одного из старейших в мире, роль Церкви – одной из самых сильных и традиционных, и роль исторического пути – одного из самых значительных на всем земном шаре.

Бессмертие этой системы было в его руках. И тело, разумеется, не могло его предать, думал он, любуясь закатом с террасы форта Санту-Антониу-да-Барра в Эшториле и отмечая для себя, что империя по-прежнему на своем месте, такая же непоколебимая, как и он сам, за пределами горизонта открытий и неизведанного океана, который его предки пересекали безо всякого страха. Он представлял в уме крошечные зернышки на карте – остановки на морском пути в Индию: Мадейра, Порту-Санту, Азорские острова, Кабо-Верде, Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Кабинда, Ангола, Мозамбик, Гоа, Даман и Диу, Португальский Тимор и, наконец, Макао.

Все замерло в его мыслях: настоящее, прошлое, будущее. Он был мозгом Португалии, он помнил все остановки кругосветного путешествия по Индийскому пути, хотя никогда не совершал его. Ему казалось, что это он открыл архипелаг Кабо-Верде, завоевал Гвинею и Анголу, достиг Гоа и Ма-

лакки, это он торговал рабами и пряностями, это он был богатым адмиралом, бедным кормчим, повелителем бурь, говорорезом, жертвой крушения империи. Он мечтал перевозить на кораблях рабов из Ажуды, сопровождать на работу шахтеров из Дондо, сборщиков кофе из Уиге и какао из Сан-Томе, лесорубов из Гвинеи, рыбаков из Кабо-Верде, рабочих из шахт Кабинды, алмазоискателей из Луанды, йогов из Гоа, торговцев из Малакки, топасов⁶ из Тимора, игроков и сутенеров из Макао. И если в этих фантазиях среди мангровых зарослей и лиан, лесов и змей ему встречался кто-нибудь из населявших форт Санту-Антониу-да-Барра, какой-нибудь ветеран войны, Салазар неизменно сокрушался о потере Португальской Индии – это было единственным подлинным сожалением всей его жизни.

В ночь на 22 июля 1954 года, когда индийские солдаты и сепаратисты заняли Дадру, колониальный механизм дал сбой. Две недели спустя пал Нагар-Хавели. Была сформирована проиндийская администрация, а сама территория вошла в состав Индии только в 1961 году. Это было первое неслыханное оскорбление, нанесенное потомкам Генриха Мореплавателя. Салазар долго хранил фотографию человека по имени Анисету ду Розариу, который был сержантом небольшого индо-португальского полицейского участка в Дадре и в момент восстания пожертвовал собой – ради

⁶ Топасы – потомки от браков португальцев с местными жителями Восточного Тимора, говорившие на австронезийском языке тетум.

всех детей империи. Он стал первым героем деколонизации. Салазар воспринимал эту потерю как проклятие: лишиться даже одного порта на Дороге специй означало для него разрушить весь маршрут, связывавший португальские владения от метрополии до заморских колоний. Об этом говорил и представитель Лиссабона на процессе в Международном суде ООН в 1960 году, отстаивая принадлежность португальскому государству территорий Дадры и Нагар-Хавели.

Без этих маленьких бусин – некогда покоренных земель – четки лузитанского христианского мира казались порванными, а год спустя они потеряли и форт Сан-Жуан-Батишта-де-Ажуда, без особых усилий аннексированный Дагомеей, которая позже стала Бенином. Поэтому Салазар, несмотря ни на что, стоял насмерть и удерживал оставшуюся часть Индийского пути, чтя священную миссию, возложенную Богом на португальских христиан, дабы они вывели заблудшие народы из бездуховной тьмы анимизма и научили их истинной вере. И хотя он не сомневался, что рано или поздно Бог призовет его к себе, он хотел жить вечно благодаря своей империи: «Я хотел бы насладиться зрелищем того смятения, в которое впадет страна, когда меня не станет». Он был существом высшего порядка, как Бог, Богоматерь Фатимская или Иисус, сошедший на землю; он был всем и ничем, бесконечностью и могуществом. Он воплощал в себе и дух нового португальского Средневековья, встроенного в контекст XX века, и необъятную ширь Атлантического океана, и мор-

скую связь между Европой и Востоком, и вызов неизведанным землям, и гордый блеск открытий и завоеваний. Господь Вседержитель положил руку Свою на плечо Генриха Мореплавателя и возложил на него задачу покорять океаны. Итак, земледельческому народу Португалии, малочисленному и незначительному, предстояло дать христианское имя и христианское будущее огромному миру – миру, простиравшемуся за пределы мыса Доброй Надежды, теплых морей Индии и холодных морей Китая.

* * *

Аугушту Илариу был охвачен смятением и страхом. Вернувшись в Лиссабон, он взял ручку, бумагу и написал: «Достопочтенный господин Председатель, в состоянии глубокой тревоги и растерянности я покинул сегодня Вашу резиденцию. Я молю Бога, господин Председатель, чтобы такое опасное падение не имело никаких последствий. Выражаю Вам свое глубочайшее уважение и надеюсь, что Вы находитесь в полном здравии. Извините, если потревожил».

Но легче ему от этого не стало, и, терзаемый дурными предчувствиями, он вернулся в форт, чтобы лично передать конверт, который пролежал всю ночь в атриуме на первом этаже. В десять часов утра следующего дня Антониу да Силва Телеш, начальник секретариата Салазара, увидел конверт, вскрыл его и прочитал письмо. В то время в президиу-

ме Совета министров не было управляющего делами. Салазару помогали только два секретаря – Силва Телеш и Анселму Кошта Фрейташ, которые каждый день поочередно ездили из Лиссабона в Эшторил, чтобы разбирать корреспонденцию.

Анселму Кошта Фрейташ был молодым предприимчивым человеком. Цвет его глаз менялся от освещения – от голубого в пасмурную погоду до зеленого в солнечную. Ему едва сравнялось 30 лет, но в шевелюре уже виднелась проседь. Из семи детей в семье он был самым младшим и уже в три года лишился матери. Несколько дней назад, 23 июля 1968 года, он женился на Даниэле, дочери майора Сарсфилда Родригиша (которого Салазар хорошо знал, потому что несколько раз приказывал его арестовать). Церемонию бракосочетания проводил старший брат Анселму – Мануэл, бывший священником. Именно Анселму первым заметил некоторые загадочные изменения в поведении диктатора после того, как тот упал.

Письмо от подолога Антониу да Силвы Телеша читал затаив дыхание. Как только Салазар появился в кабинете, распространяя слабый запах бальзама, Антониу сразу спросил: – Как вы себя чувствуете, господин Председатель? Я только что узнал из письма Илариу, что вы пострадали при падении!

Салазар пожал плечами и ответил:

– О, господин Илариу мне написал? Да, это правда. Я со-

бирался сесть в кресло, но оно неудачно стояло, и я промахнулся – упал на пол, ударился затылком. Чувствую некоторое онемение в теле, мажу больное место специальным кремом, и мне уже лучше.

И Салазар тут же отправил ответное письмо Аугушту Илариу: «Похоже, никаких других последствий падения, кроме ушиба, нет. Большое спасибо».

На самом деле головная боль мучила его, и довольно сильно. Поэтому 6 августа Салазар принял своего лечащего врача Эдуарду Коэлью, который провел быстрый неврологический осмотр и не обнаружил никаких «подозрительных» изменений. Несмотря на это, доктор был встревожен. Лицо его вытянулось, рот превратился в нитку, а на широком лбу появились неожиданные морщины – признак внутреннего напряжения. В тот день он объяснил Салазару и доне Марии, что в результате падения могла образоваться внутричерепная гематома, которая может развиваться и незаметно – в течение нескольких дней, недель или месяцев. Поэтому он попросил незамедлительно с ним связаться, если появятся какие-нибудь странные симптомы. Салазар был спокоен, но выказывал некоторую нерешительность. Доктор Коэлью уже распланировал отпуск: сначала он поедет в путешествие по Рейну, затем в Эльзас и, наконец, в Париж – навестить своего сына Алвару, который работал в университете и занимался исследованиями в области клеточной биологии. Однако он решил отложить поездку и забронировал номер на 15 дней в Hotel

Estoril Sol, расположенном в нескольких километрах от форта.

Это беспокойство было продиктовано причинами не медицинского, а личного характера. Эдуарду Коэлью был лечащим врачом Салазара с 1945 года и испытывал к нему искреннюю симпатию. Он прекрасно изучил физические и психические реакции его организма.

В нескольких письмах, адресованных диктатору, врач описывал себя как «преданного друга, который благодарен за привилегию заботиться о здоровье своего пациента». Салазар же подарил доктору свою фотографию с памятной надписью: «Врач и пациент – это два человека, которые посвящают свою жизнь друг другу до окончательной победы над болезнью и смертью». Вера Салазара в «окончательную победу над болезнью и смертью» объяснялась тем, что Эдуарду Коэлью считался легендой медицины. Он был одним из лучших современных кардиологов Португалии и первым преподавателем кардиологии на медицинском факультете Лиссабонского университета.

Но их связывала и общая история. Оба они были родом из португальской сельской местности, глухой и туманной, архаичной и провинциальной: Салазар – из Бейра-Алта, а Коэлью – из Минью. Доктор часто вспоминал, что в начальных классах ему приходилось каждый день проходить по три километра пешком – от дома до школы. Возможно, еще и поэтому он так не любил дискомфорт. У входа в аудиторию,

где он преподавал, Коэлью повесил табличку со словами: «Не обращайтесь внимания на критику, она исходит от близких мне людей».

Коэлью учился в Коимбрском университете вместе с Антониу Эгашем Монишем, получившим в 1949 году Нобелевскую премию за изобретение префронтальной лейкотомии, которая впоследствии была преобразована американскими хирургами в полноценную лоботомию (с пересечением большого числа нервных волокон). Эдуарду Коэлью защитил докторскую диссертацию под руководством Мониша, стал его ассистентом и женился на одной из его племянниц. Эдуарду был рядом со старшим коллегой в четыре решающих момента: славы, успеха, драмы и смерти. Слава пришла к профессору 28 июня 1927 года, когда он провел первую в истории церебральную ангиографию – метод, позволивший увидеть сосуды головного мозга с помощью рентгенографии с контрастом и обнаружить опухоль. Эдуарду Коэлью находился в проявочной рентген-кабинета: именно он, осознав, что процедура сработала, вскричал: «Эврика! Эврика!» Он был рядом и тогда, когда Мониш стал лауреатом столь желанной Нобелевской премии, принесшей ему международное признание. Кроме того, Коэлью был свидетелем драмы, которая произошла 14 марта 1939 года. На прием к Монишу пришел Габриэл Кодегал де Оливейра Сантуш, который на протяжении 9 лет страдал от психических проблем. Пациент попросил выписать ему более серьезные препараты, но, как толь-

ко Мониш взял бланк рецепта и приступил к делу, он почувствовал, что ручка выскочила из руки. Это была первая пуля, попавшая в него. После пятой он попытался встать, но Габриэл выпустил в него еще две пули. Эгаш Мониш выстоял перед потоком свинца. У пациента оставался только один патрон. Он выстрелил, но промахнулся. Не заметив этого, он вышел в коридор и принялся кричать: «Я убил доктора Эгаша Мониша!» Через несколько секунд в сопровождении еще одного врача появился Эдуарду Коэлью, который работал на том же этаже. Профессор, лежавший в луже крови, произнес театральным тоном: «Дайте мне спокойно умереть. Я смертельно ранен. Это чудовище изрешетило меня пулями. Я больше не могу». Эдуарду Коэлью вызвал скорую помощь, которая немедленно прибыла, и профессор Эгаш Мониш выжил. А когда нобелевский лауреат действительно умер, Коэлью тоже оказался рядом. Это был холодный день 13 декабря 1955 года: тогда у Эгаша Мониша случился острый приступ подагры и открылось сильное желудочное кровотечение. Он умер у Коэлью на руках.

С тех пор Коэлью опасался, что и Салазар станет жертвой столь же внезапного приступа. Доктор и диктатор познакомились благодаря семье Серраш-и-Силва из Коимбры – очень близкими знакомыми Салазара. Коэлью тоже сумел с ним подружиться. Салазар как-то даже подарил доктору пару туфель и неоднократно преподносил ему цветы. В Сан-Бенту доктор Коэлью чувствовал себя как дома: созрели ли

овощи в огороде, снесли ли куры свежие яйца, привезли ли фрукты из Санта-Комба-Дана – дона Мария всегда приглашала его за стол. Они обедали вместе, и казалось, что они находятся на ферме, а не в резиденции премьер-министра.

Взгляд на море

Монотонная и скучная жизнь форта Санту-Антониу-да-Барра шла своим чередом, как и каждое лето. Последнее публичное выступление Салазара состоялось 13 июля на демонстрации транспортников, державших одинаковые лозунги – «Транспортники благодарят Салазара». 26 июля Салазар и его экономка дона Мария по традиции переехали в Эшторил. Их переезд в форт позволил устроить ежегодную уборку кабинетов в Сан-Бенту. Построенная по распоряжению Филипе I внушительная крепость с подъемным мостом – она была возведена для защиты устья Тежу – располагалась на Авенида Маржинал, тянущейся от столицы до Кашкайша. В крепости был устроен летний лагерь Института Одивелаш – школы для дочерей военных. Салазар сам оплачивал аренду части здания, которую занимал. Каждый год он составлял контракт с таблицами предстоящих расходов. Для порядка он также велел присылать ему прејскуранты из других пансионатов Португальской Ривьеры, но свой выбор всегда останавливал на Санту-Антониу.

После опасного падения он не скрывал от самых близких, что его мучили головные боли, с которыми он пытался бороться, принимая аспирин. Но основное его внимание было сосредоточено на составе нового правительства, войне в Африке и Пражской весне. Он решил, что посоветует своим ми-

нистрам не посещать роскошные приемы, запланированные на начало сентября Патиньо и Шлюмберже, которые хотели превратить Португалию в центр мирового космополитизма. Первый прием готовил «король олова» – боливийский магнат Антенор Патиньо – в Алкойтау, между Кашкайшем и Эшторилом. Затем, уже через день, должно было последовать второе празднество: господин Пьер Шлюмберже, женатый на португалке, собирался устроить его в собственном загородном доме в Коларише. Оба нувориша очень хотели сделать себе имя. Шлюмберже называли «сеньор пять процентов», потому что своим состоянием он был обязан системе исследования скважин, которую изобрели его отец и дядя, Конрад и Марсель Шлюмберже. Ее использовали все крупные нефтяные компании. С каждой добывающей установки он имел те самые 5 %.

В действительности же вышло так, что влиятельные люди, прибывшие со всего мира, настолько заполонили аэропорт Лиссабона, что носильщики сваливали груды чемоданов Louis Vuitton на тележки, а затем беспорядочно распределяли их между «роллс-ройсами», ожидающими снаружи. Это вызвало немало стычек среди гостей.

Воспользовавшись приездом такого числа далеко не бедных персон, местные землевладельцы, братья-близнецы Франсишку и Карлуш Палья, организовали сельский фестиваль-арраял – с быками, танцами, асадо⁷ и накрытыми

⁷ Асадо – техника приготовления мяса на гриле или вертеле.

столами на свежем воздухе. Известная актриса Жа Жа Габор, урожденная Шари Габор, американка венгерского происхождения, была поймана с поличным – в ее чемодане нашлись полотенца из отеля Palace в Эшториле, – и только вмешательство американского посольства спасло известную даму от скандала. Порядок нарушила неугомонная дочь президента Республики Наталия Томаш, решившая принять участие в празднествах: это создало определенное напряжение между двумя высшими должностными лицами португальского государства.

Со взглядом, который все сильнее казался устремленным в пустоту, Салазар прислонился к стене террасы форта Санту-Антониу-да-Барра и обозревал необъятные просторы океана. Затем он, опустившись на очень крепкий и надежный стул, принялся смотреть в бинокль на проплывающие мимо лодки и наблюдать за людьми, загорающими на скалах. Он, должно быть, знал, кто та женщина или тот мужчина: за кем-то из них, возможно, следили агенты политической полиции ПИДЕ, а кто-то уже был однажды арестован и затем освобожден. Эти люди зависели от него, он был залогом как счастья, так и свободы этих людей. И все же эти летние и естественные радости казались ему уступкой, которую он делал народу. Не слишком доверяя теперь другим креслам, он сидел только в кресле «Алабама» – с ножками из бука, большими подлокотниками и обитыми мягким материалом корпусом и спинкой. Несмотря на свою мнительность, в тот

месяц Салазар согласился сфотографироваться. В обед он сидел за самым обычным столом: вышитая скатерть, посередине – ваза с цветами. На нем были белая одежда и темный галстук. Он принимал президента Республики Америку де Деуша Родригеша Томаша, чтобы обсудить перестановки в правительстве.

А 15 августа Салазар с распростертыми объятиями принимал писательницу и журналистку Кристин Гарнье и ее нового мужа, которые решили остановиться на несколько дней в эшторильском отеле. Счет был оплачен премьер-министром из собственного кармана. Еще в 1951 году Кристин Гарнье, побывав в Португалии, написала книгу «Отпуск с Салазаром» (*Vacances avec Salazar*) и познакомила европейцев с этим сдержанным и скромным человеком. Найдя общий язык с писательницей – как говорят, единственной женщиной, к которой он открыто проявлял платоническую любовь, – Салазар впервые заговорил с ней о смерти. Вечный диктатор чувствовал себя все ближе к Творцу, но и сожалел о том, что его собственное творение терпит крах. Он не мог удержать время, хотя его старый карманный хронометр *Roskopf* никогда не останавливался ни на мгновение, и он сам заботился о том, чтобы ежевечерне заводить его перед сном. Предметы, окружавшие его, оставались неизменными: тот же фотоаппарат *Zeiss Ikon*, та же кожаная сумка, всегда набитая бумагами и книгами, та же бритва, тот же лосьон после бритья *Flويد*, та же прогулочная трость, та же

ручка, те же точилки – штук 20, не меньше. Он хранил все эти вещи, потому что так он хранил время, которое они отражали, – несмотря на то, что тем летом он почувствовал внезапную потребность ускорить события.

Итак, 19 августа он объявил о создании нового правительства и встретился с новоназначенными министрами. Вскоре, 26 августа, он написал письмо главе самопровозглашенной Биафры, где заверил его в полной поддержке со стороны Португалии независимости этого сепаратистского государства. Однако политическая активность Салазара была обусловлена внутренним чувством, которого он никогда раньше не испытывал, – телесным беспокойством. Кризис случился уже 27 августа, когда голова разнылась так, что он принял аспирин и позвонил врачу. С тех пор головные боли участились.

В самом конце августа, 31-го числа, его крестница Мария да Консейсан де Мелу Рита, известная как Микаш, довольно близкий диктатору человек, также прибыла в форт Санту-Антониу-да-Барра, вернувшись вместе с мужем из отпуска в Алгарве. Она встревожилась, увидев состояние Салазара, а он постарался ее успокоить. На следующий день президент Томаш посетил Салазара и нашел в его хорошем расположении духа. Первое заседание нового кабинета министров состоялось 3 сентября в Лиссабоне. Салазар выглядел молчаливым и отстраненным. На следующее утро ему было трудно подписывать обычную корреспонденцию, почерк

стал неуверенным. Ночью диктатора мучили сильные головные боли. Приехавший доктор Коэлью констатировал, что правая нога Салазара не гнется, а память ослабла. На следующий день в форт прибыл доктор Луиш Ферраш де Оливейра, офтальмолог, который осмотрел глазное дно диктатора. По его мнению, существовала вероятность того, что образовалась гематома, сдавливающая мозг. Тем временем клиническое состояние ухудшалось – начали появляться симптомы гемиплегии с правой стороны, отчего стало понятно, что гематома находится в левом полушарии мозга. В тот момент Коэлью и Ферраш решили обратиться к неврологу Миранде Родригишу и нейрохирургу Морадашу Феррейре, но затем остановили свой выбор на нейрохирурге Антониу де Вашконселуше Маркеше, с которым они и договорились о визите в Эшторил на следующий день, 6 сентября. После тщательного осмотра врач рекомендовал немедленную госпитализацию.

Самая длинная ночь режима

Наступил вечер, закат окрасил небо разноцветными полосами, и тьма постепенно накрыла курортные городки. Мало кто знал, что это был закат португальской империи. Сидя на заднем сиденье машины, рядом с Коэлью и Вашконселушем Маркешем, Салазар смотрел пустым взглядом, не веря в то, что с ним происходит: он считал себя вечным. Впереди сидели водитель Мануэл и начальник ПИДЕ Фернанду Эдуарду да Силва Паиш. По дороге оба врача пытались проверить когнитивные способности диктатора, но тот не мог ответить даже на простые вопросы – в каком университете он учился, в каком году его окончил. Водитель остановил «кадиллак» у дверей лиссабонской больницы Капушос, где врачи уже готовились делать электроэнцефалограмму, и Салазар выбрался из автомобиля сам, но прошел совсем немного: за ним должны были вывезти кресло-каталку. Ему требовалась помощь, и, усевшись, он тихо сказал, обращаясь больше к себе, чем к другим: «Это невероятно, просто невероятно».

Вскоре после этого Салазар с врачами направился в больницу в Сан-Жозе, чтобы сделать рентген. Ни одно, ни другое обследование не позволили поставить определенный диагноз. Было решено поместить Салазара в больницу Красно-го Креста в Бенфике, куда он прибыл в половине двенадцатого ночи и был размещен в палате 68 на шестом этаже, где

освободили целое крыло.

Заместитель государственного секретаря президиума Совета министров Паулу Родригиш приказал цензурным службам вырезать любые новости, касающиеся здоровья премьер-министра. Министр Гомиш де Араужу, поговорив с президентом Республики, заранее привел в боевую готовность некоторые воинские части, а министр внутренних дел Гонсалвиш Феррейра Рапазоте подготовил немедленный план обеспечения безопасности.

В тот вечер, когда «кадиллак» председателя Совета министров покинул Эшторил, сотни гостей со всего мира съезжались в имение, расположенное в нескольких километрах от города, в Алкойтау: начиналась вечеринка «короля олова» Антенора Патиньо. Верхушка режима разделилась – на тех, кто танцевал с миллионерами и аристократами, и тех, кто в тревоге спешил в больницу Красного Креста.

Несомненно, это была самая длинная ночь португальского режима – столь же длинная, как ночь 25 апреля 1974 года, которая привела к Революции гвоздик. С прибытием Салазара в больницу Красного Креста отношения между диктатором и властью, казалось бы, должен был прийти конец. И если португальская элита переживала эти события с тревогой, то страна спала глубоким сном, не подозревая, что спустя почти полвека наступил неожиданный переломный момент. Врачи тем временем спешили к постели самого «долговечно-го» диктатора на планете. Коэлью предложил, чтобы опера-

цию на мозге проводил Морадаш Феррейра – известный оппозиционер, связанный с Португальской коммунистической партией, – но в тот момент доктор находился на Мадейре, и его кандидатура отпала.

Диктатора подвергли всевозможным обследованиям. Врачи были настроены скептически – организм Салазара не справлялся. Вашконселуш Маркеш выслушал мнение выдающегося профессора Алмейды Лимы, также срочно вызванного в больницу Красного Креста, и, по согласованию с собравшимися коллегами, принял решение об операции. Представители власти, собравшиеся в соседней комнате, дали свое согласие. Кардинал Мануэл Гонсалвиш Сережейра, наставник Салазара на пути к власти, совершил соборование.

Мария Кристина да Камара сделала анестезию. Салазара отправили в операционную, где, помимо Вашконселуша Маркеша, ждали одетые в операционные халаты Алвару де Атаиде, Лукаш душ Сантуш, Жоржи Манасаш и Фернанду Силва Сантуш. Также присутствовали Эдуарду Коэлью, Алмейда Лима, Биссайя Баррету, Лопеш да Кошта, Жуан де Каштру, Ана Мария Монтейру, Жуан Беттанкур и другие. Некоторые из них были известными членами масонских лож: Биссайя Баррету, Алвару де Атаиде, медицинский эксперт Фернанду Тейшейру, нефролог Жасинту Симоэш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.